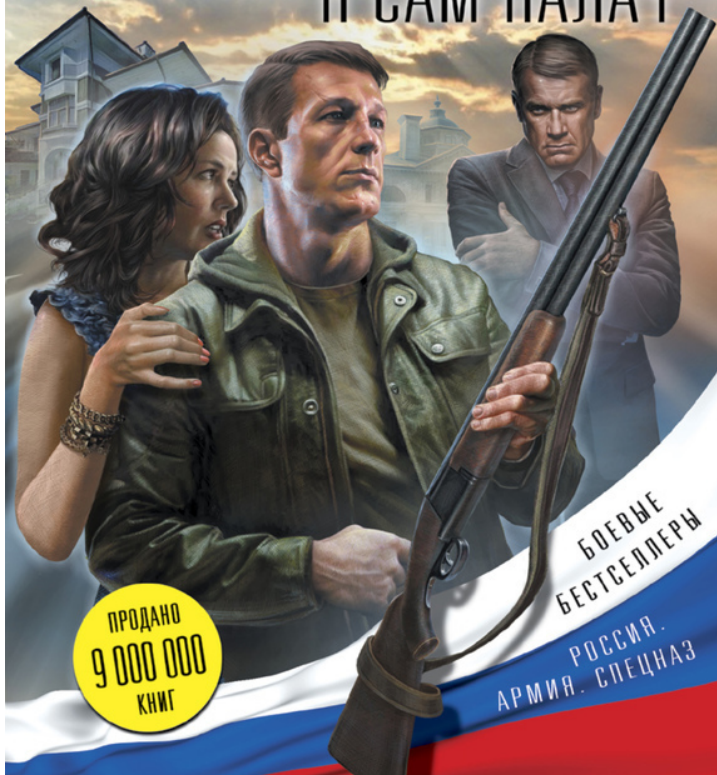

АЛЕКСАНДР

ТАМОНИКОВ

Я САМ СУДЬЯ
Я САМ ПАЛАЧ

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

БОЕВЫЕ
БЕСТСЕЛЕРЫ

РОССИЯ.
АРМИЯ. СПЕЦНАЗ

Александр Александрович Тамоников
Я сам судья. Я сам палач
Серия «Боевые бестселлеры
А. Тамоникова»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22218752

Я сам судья. Я сам палач / Александр Тамоников: Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-92241-3

Аннотация

В результате ДТП погибла молодая девушка Настя Мороз. За рулем сбившей ее машины находился сын известного банкира Никита Матвеев. В тот день он в компании других «мажоров» шумно гулял в ресторане. С помощью продажных полицейских дело удалось замять: Матвеева-младшего «отмазали», виновным «назначили» другого человека. Что ж, «мажор» снова чист и свободен? Как бы не так! Брат погибшей Насти, капитан спецназа Илья, решает судить и покарать преступника по закону справедливости. Он подвергает свою жизнь реальной опасности, но поступить иначе не может, это дело чести. Капитан вступает в беспощадную схватку со всемогущим банкиром, его крутой охраной, продажными полицейскими и уголовниками из числа их подручных.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	48
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Тамоников

Я сам судья. Я сам палач

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Все, изложенное в книге, является плодом авторского воображения. Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.

А. Тамоников

Глава 1

Взрыв хохота сотряс стены, расписанные иероглифами. Компания молодежи гуляла в отдельной кабинке модного ресторана «Танука» на Первой Московской улице.

За окном давно стемнело, мерцали фонари. Новославль-Заречный, крупный райцентр в Ярославской области с населением более двухсот тысяч человек, отходил ко сну. Близилась полночь. Жизнь продолжалась только в развлекательных заведениях, расположенных в центре города.

Две раскованные девицы, блондинка и рыжая, трое парней. Всем представителям золотой молодежи лет по восемнадцать-девятнадцать. Они уже хорошо набрались, но еще не достигли той черты, за которой море по колено.

Обстановка в псевдояпонском стиле. Закуски из морепродуктов, мексиканская текила, русская водка.

Взрыв веселья вызвал хрустальный бокал, выпавший из дрогнувшей руки одного участника застолья. Молодые люди гоготали, хватаясь за животы. Это заурядное событие почему-то страшно рассмешило их. Смазливый светловолосый парень бормотал под нос непечатные словечки, тер салфеткой джинсы, залитые текилой.

– Дэну больше не наливаем! – заявил не по годам плешивый крепыш с брутальной челюстью. – Что, Дэн, рука бойца держать устала?

– Да пошел ты, Лысый!.. – проворчал светловолосый парень. – Бокалы бракованные в этом заведении. Ножка крякнула. Чуть руку не порезал.

– Сам ты бракованный, Дэн, – заявила фигуристая блондинка с умопомрачительным бюстом. – Признайся, ты просто засмотрелся на мою грудь и про все забыл.

– Лучше бы на меня смотрел, гаденыш, – пролепетала, глупо улыбаясь, рыжая девица.

Ее начинало развозить.

– Эй, кто-нибудь придет принесет мне новую посуду? – возмутился Дэн. – Что за заведение такое, мать вашу?!

– Угомонись, Дэн! – заявил жилистый брюнет с холеным лицом и легонько хлопнул его по затылку. – Забыл, что в этом ресторане моя маман командует? Будешь критиковать, настучу по загривку! Кнопку видишь? – Он ткнул пальцем в звонок, вмонтированный в стол. – Нажми, будет тебе японка.

– Экстренная связь с машинистом! – веселился плешивый тип. – Только хрен она японка, в лучшем случае бурятка! Твоя маман, Никитос, конечно, крутая, но чтобы добыть для своего кабака настоящих японок...

Все вразнобой захихикали, а брюнет надулся и надавил на кнопку звонка.

В комнате возникла молодая азиатка в кимоно. Она смиренно улыбалась.

– Дорогая, приברי тут. – Никита небрежно ткнул пальцем на осколки. – И доставь моему другу новую посуду. Мо-

жешь из алюминия. – Он засмеялся. – На этого неуклюжего типа хрусталя не напасешься.

Мнимая японка поклонилась, изображая покорность, соорудила жест «вай» из сомкнутых ладошек и убежала.

Вскоре девушка доставила новую посуду и смела осколки, делая такое лицо, словно это она во всем виновата. Инцидент был исчерпан.

Плешивый тип поднялся, разлил текилу и спросил.

– За что махнем?

– За дачный сезон, – заявила рыжая девица и икнула.

Приступ веселья снова одолел хмельную компанию.

На дворе конец мая. Настает теплое лето. Слово «дача» у всех присутствующих ассоциировалось отнюдь не с электричками и грядками морковки, а с возлияниями на природе, барбекю, шезлонгами у воды, страстным сексом в мансарде родительского бунгало.

Бокалы сомкнулись. Рассыпался хрустальный перезвон.

– Эх, сейчас бы нюхнуть, – мечтательно протянул Дэн.

– Ну уж нет, хренушки. – Никита помотал головой и опасно покосился на дверной проем. – Не сегодня. Скажем наркотикам решительное «нет». Во всяком случае, здесь. – Он как бы ненароком, словно проверяя, на месте ли содержимое, коснулся пальцами бокового кармана жилетки. – Если матери настучат, что мы наркотой балуемся, а она передаст отцу, то трепанации мне не избежать, блин!..

Рыжая девица глупо хихикнула, ее красивые, но бессмыс-

ленные глаза сбились в кучку. Она отползла к спинке дивана, откинула голову и засопела.

Вся компания с интересом уставилась на нее.

– Естественный отбор, – заявила блондинка. – Эй, Шпага, ты нас покинула? – Она пихнула подругу локтем.

Та что-то буркнула и снова засопела.

– Отряд не заметил потери бойца. – Дэн хмыкнул.

– Да какой она боец, – заявил Лысый. – Так, маркитантка при обозе. Ладно, храпи, Шпага, разбудим, когда надо будет. Еще по одной, пока рука не отсохла? – Он схватился за увесистый штоф текилы.

Выпить молодые люди любили, никто не отказался. Вновь полилось спиртное, раскручивалось веселье.

– Да, нормально у тебя тут, Никитос, – снисходительно заметил Дэн. – Заведение приличное, камерная, так сказать, обстановка. Как твоя маман умудряется выживать в кризис? Папенька помогает?

– Помогает. – Никита сыто рыгнул, подцепил палочками полоску кальмара и начал ловить ее ртом. – У родаков упрощенная система налогообложения. – Он прекратил тщетные потуги, бросил кальмара обратно в тарелку. – Они вообще налоги не платят. А что, вышибут меня из универа, пойду в «Тануку» работать, возьму тут все в свои руки.

– Ты – работать в ресторан? – Блондинка недоверчиво сморщила нос.

– Зуб даю. – Никита решительно потрянул шевелюрой. – Я

тоже, между прочим, имею право на труд.

– Точно, – заявил плешивый тип. – В самую дырочку сказал.

Веселье не унималось. Шум становился все громче.

– Ребята, может, потише? – сказал паренек в очках, робко всунувшийся к ним в кабинет.

Обнаружилось, что они в заведении не одни.

– А что не так? Мы тебе мешаем, четырехглазый? – вскинулся пьяный Дэн. – Ты чего в натуре кайф ломаешь?

– Все, сейчас кого-то на «Скорой» увезут, – угрожающе проорчал Лысый и начал демонстративно закатывать рукава.

Очкарик побледнел.

Лысый хищно оскалился.

– Ты еще здесь, баклан? А что такой бледный?

– Давайте без драк в мамкиной лавочке, – заявил Никита. – Лысый, прекращай! С вышибалами давно не встречался? – Он раздраженно стал отмахиваться от очкарика, мол, исчезни.

Тот поколебался, но решил не связываться с мажорами и испарился.

В кабинет на цыпочках вошла женщина средних лет – дежурный администратор – и энергично зашептала Никите на ухо:

– Все, хватит! Мы закрываемся через пять минут. Звонила твоя мама, спрашивала, не разнесли ли еще твои дружки ее заведение. Не нарывайся на неприятности, уводи свою

компанию.

Никита хотел взбрыкнуть, но в дверном проеме образовался мускулистый Леха Дрогач, работник службы безопасности, проще сказать, вышибала, окинул взглядом кабинет и укоризненно покачал головой.

Никита сообразил, что негоже гадить на своей же территории, и сказал:

– Я понял, тетя Маша. Уже линияем. Матери не говорите, что мы тут хорошо посидели. Эй, народ, подъем, выходи строиться!

Недовольная компания потянулась к выходу через опустевший банкетный зал. Лысый поддерживал под локоть зевающую рыжую девицу.

На парковке тот самый очкарик спешно усаживал в подержанную иномарку свою подругу. Оба с опаской поглядывали на пьяную компанию, спускающуюся с крыльца.

– Стоять, баклан! – завопил Лысый, отталкивая от себя раскисшую девчонку. – Чуваки, это же тот борзый! Ну, сейчас я с ним договорюсь! – Он решительно зашагал разбираться.

Глаза очкарика испуганно блеснули, что-то пискнула его спутница. Заработал двигатель, машина вылетела с парковки.

Лысый подобрал с газона какую-то палку, швырнул вслед и заорал, что они еще встретятся. Городок-то маленький.

Никита кое-как брел к белоснежному красавцу «Лексусу»

RX IV», гордо возвышающемся среди парковки. Подарок отца на совершеннолетие. В принципе мог бы и что-нибудь покруче подарить, ну да ладно, пока сойдет.

Остальная компания вразнобой тянулась за ним.

– Никита, и это все? По домам, что ли? – разочарованно протянул Дэн. – Да мы в натуре почти трезвые. Я требую продолжения банкета! – Парень расставил ноги, чтобы не упасть.

– Есть идея! – провозгласил Никита. – Едем в клуб «Калоша», он до утра работает! Меня там знают, если надо будет, и спать уложат! Все со мной?

Мужская группа поддержки дружно взревела. Мол, да! Рыжая Ирка Шпагина немного помялась и примкнула к «горячему одобрению».

Блондинка Светка Пономаренко скептически сморщила нос и заявила:

– Никита, «Калоша» же на другом конце города.

– Да ладно, – буркнул тот и со второй попытки забрался на водительское сиденье. – Тачка огонь, за пять минут домчим. Эй, рассаживайтесь, дилижанс долго ждать не будет!

Почему-то Никите не пришла в голову мысль о том, что за руль в таком состоянии садиться не стоит.

Блондинка что-то проворчала про фирму «Трезвый водитель», которая давно уже работала в городе, но ее не поняли. Лысый без галантных церемоний втолкнул девчонку на заднее сиденье.

– Не бойся, Светка, – заявил Никита, запуская двигатель. – Доедем с ветерком! Вот вам трезвый водитель! – Он гордо постучал себя в грудь. – Мою машину знают все гаишники в этом драном городе. Никакая шавка не остановит! Все уселась? Полетели, покойнички?

Он пережал газ на старте. Машина юзом ушла с парковки и наехала на бордюр. В салоне испуганно завизжали девицы. Автомобиль с горем пополам выкатился на пустую улицу, озаренную светом редких фонарей.

На крыльце ресторана возник перекачанный вышибала. Он следил за «Лексусом», пока его виляющий бампер не скрылся за поворотом, досадливо качнул головой, выбил из пачки сигарету.

Процедуры закончились, пациенты в палатах отходили ко сну. Жизнь в районной больнице замирала. Персонал с нормированным рабочим днем разошелся по домам, остались дежурные врачи и медсестры. В терапевтическом отделении стояла тишина.

Кабинет заведующего отделением доктора Мальцева был заперт изнутри. Несколько минут назад туда проскользнула дежурный терапевт Глазнева. И что они там, интересно, делали? Вероятно, обсуждали насущные проблемы в свете вчерашнего совещания по поводу активизации энцефалитных клещей.

Медсестра Настя Мороз понимающе улыбнулась, проходя мимо запертой двери. У обоих в личной жизни были серьез-

ные проблемы. А у нее как раз все стало налаживаться, появился приличный парень по имени Сережа, галантный, воспитанный, с серьезными намерениями. Недавно он познакомился с родителями Насти. Все стороны остались довольны друг другом.

Иногда парень встречал ее после работы и на своей машине отвозил домой. Впрочем, не сегодня. Он позвонил вечером и сообщил, что начальство отправило его в срочную командировку в областной центр. Сережа трудился экспедитором в торговой фирме и должен был появиться только завтра к вечеру.

– Ничего, Сережа, – сказала ему Настя. – Я уже большая девочка, мне целых двадцать семь, доберусь сама. Всегда доезжала без проблем.

Она нетерпеливо посмотрела на часы. Смена закончилась полчаса назад. Настя поставила все уколы, разложила по местам таблетки и препараты.

Галина опаздывала. Опять, очевидно, проблемы с гулящим мужем. В сестринской Настя находилась одна.

Путь домой действительно неблизок. Но девушка привыкла к этому маршруту. Десять минут в шустром темпе до вокзала, запрыгнуть в электричку, через сорок минут выйти, прошагать по полю мимо кладбища, и она в родной Быстровке, где живет с родителями в хорошем кирпичном доме.

Но если честно, то ей смертельно надоели эти дальние переезды. Быстрее бы выйти замуж да переехать к Сереже, у

которого своя квартира в Новославле.

Она могла бы сделать это и сейчас. Сережа спит и видит, как она к нему перебирается. Но Настя не хотела портить отношения со своими родителями. Они решительно против совместного проживания без брака. Хорошие люди, но со старорежимными представлениями.

Сменщица опаздывала, на звонки не отвечала. Настя накинула плащ, покрутилась перед зеркалом. Отражение ее вполне устраивало. Стройная, худенькая, пепельные локоны. Да и к лицу претензий не было. Все на месте – большие глаза, ямочка на щеке, милая улыбка. Лишь бы Сереже нравилось.

Сменщица Галина нарисовалась с сорокаминутным опозданием!

Она вбежала в ординаторскую, вся возбужденная, в криво застегнутой куртке, бросила сумку на кушетку и затараторила:

– Настеньш, родной, прости, опять поругались! Я отсижу за тебя в другой раз, не переживай. Прости скандалистку, больше не повторится. Представляешь, презервативы нашла у своего идиота! В чистые носки спрятал, думал, не найду. Будто я не знаю про такие тайники. Мямлил, что не его, случайно там оказались. Он ни в чем не виноват. Ага, от сырости они там завелись! Все, блин, кончается мое терпение. После смены опять поеду к маме, пусть мозги мне вправит.

Слушать рассказы Галины о ее завершающейся семейной жизни было чертовски интересно. Настя была уверена, что

с ней самой такого по определению не может случиться. Но время поджимало. Последняя электричка уходила через двадцать минут.

Настя уверила сменщицу в том, что целиком разделяет ее праведный гнев, и побежала из больницы. До вокзала недалеко. Короткий марш-бросок через дворы, перебежать улицу Связистов, потом проспект Энтузиастов, прорезающий город с запада на восток, а там и вокзал. Покупать билет не надо, у Насти проездной.

Она шла, помахивая сумочкой, цокая каблучками. Места не криминальные, во дворах еще гуляли люди.

Через улицу Связистов был переброшен виадук, по которому ей пришлось подниматься. На последней ступени – надо же такому случиться! – она споткнулась и уронила сумочку. Из кармашка выскочил телефон и запрыгал по бетону.

Настя ахнула и бросилась за ним. Какая же она неуклюжая! Аппарат не пострадал, его спас противоударный чехол.

Девушка облегченно вздохнула, хотела сунуть телефон обратно, но обнаружила на дисплее значок – пропущенный вызов. Брат звонил полтора часа назад. А она не слышала, работала, с больными носилась.

Настя поколебалась, посмотрела на часы. До электрички двенадцать минут. Надо лишь спуститься с виадука, перебежать небольшой сквер и проспект Энтузиастов. Можно не спешить.

Она облокотилась на перила, набрала номер. Илья Мороз

– родной брат, тридцатиоднолетний холостяк – служил в какой-то непонятной военной структуре, снимал квартиру в Волоколамске. Настя любила его, хотя они часто подтрунивали друг над другом, спорили, даже ругались. Брат и сестра могли не видеться месяцами, но часто общались по телефону, а если встречались, то были искренне рады.

Служба у Ильи была какая-то странная. Настя никогда не видела его в форме. Он не рассказывал о своих делах, отделивался шутками, уверял, что днями напролет сидит в кабинете и составляет для начальства аналитические отчеты.

Его номер часто был недоступен, но сегодня брат отозвался:

– Сестренка, привет! Думал, уже не позвонишь. Все в порядке? Извини, я тут немного занят, но пара минут у меня есть.

– Ты там любовью занимаешься? – Настя улыбнулась. – Дышишь как паровоз. Или кросс бежишь перед сном?

– Второе. – Брат тихо рассмеялся.

Он действительно прерывисто дышал, говорил приглушенно.

– Предпочел бы любовь, но это не она. Я никогда не говорил тебе, что подрабатываю инструктором по безопасному преодолению пересеченной местности?

– Хорошо, что не по сексу, – заявила Настя. – Ладно, Илюша, не буду тебя отвлекать Звонил-то чего?

– В отпуск собираюсь. Неделю выпросил у начальства. Хо-

чу в Быстровку к вам приехать. Может, надо родителям чего? Из инструмента, бытовой техники? Мне премию хорошо дали. Разведай у отца, но не говори, что я приеду. Хочу сюрпризом.

– Здорово! – восхитилась Настя. – Давно не виделись. Хорошо, спрошу.

– Ты еще не переехала к своему Сергею?

– Да куда там. – Настя вздохнула. – Родителям хоть кол на голове теши. Только после свадьбы, ни днем раньше! Поступлю по-своему, значит, рискую лишиться их родительского благословения.

– Боже правый, какая сермяжная патриархальщина! – Илья сокрушенно вздохнул. – Ничего не поделаешь. Терпи, сестренка.

– Приходится. По электричкам мотаюсь и терплю из последних сил. Вот и сейчас спешу, пока не сбежала последняя. Ты когда собираешься приехать?

– На днях, сестренка. Полной ясности пока нет. Закончу работу, что-то вроде дембельского аккорда. Ну, все, пока, беги на свою электричку.

Настя бросила телефон в сумочку, посмотрела на часы и ахнула. Она пробежала по виадук, выскочила в сквер. Время позднее, уже никого.

Проспект Энтузиастов, на который девушка выбежала через минуту, был пуст. Горел фонарь, освещающий пешеходный переход. Ни прохожих, ни машин. Замерло все до рассвета.

В домах у проспекта не горел свет.

Настя припустила к переходу, спрыгнула с бордюра. В голове у нее мелькнула интересная мысль. Что делать, если она не успеет на электричку? Сережи нет. Ловить такси, ехать на другой конец города ночевать к подружке?

Она успела добежать до середины дороги. Тяжелая машина вырвалась словно из ниоткуда! Настя повернула голову на рев мотора. Яркий свет фар ослепил, парализовал ее.

Водитель не успел просигналить. Он даже не видел, что кто-то перебегает дорогу.

Настя успела почувствовать жгучую боль, потом неодолимая сила подняла ее в воздух и швырнула на встречную полосу. Водитель запоздало затормозил, и машина пошла юзом. Настя катилась по проезжей части, уже ничего не чувствуя. Туфли слетели с ног, упала сумочка. Она лежала за разделительной полосой, разбросав руки, неестественно вывернув голову. Из раскроенного черепа сочилась кровь. В глазах застыл предсмертный ужас.

Водитель-убийца потерял управление. В салоне кричали люди. Бордюр не стал препятствием. Белоснежный «Лексус» взлетел на него и под вопли пассажиров врезался в продуктовый павильон, закрытый на ночь!

Разлетелась дверь, зазвенело битое стекло. Охранная сигнализация в эту ночь оказалась отключенной. Возможно, ее тут и вовсе не было.

Настала оглушительная тишина. Только двигатель доро-

гой машины продолжал работать.

Тишина продолжалась недолго. В салоне завизжала девица. Загалдели мужчины.

– Никита, выезжай, валим отсюда!

Водитель пытался выбраться на дорогу задним ходом. Машина подрагивала, взбрыкивали ведущие колеса. Она зацепилась за что-то раскученным бампером.

Парни и девушки выбрались из машины. Все они были в стельку пьяны, но сообразили, что натворили что-то не то, перестали галдеть, начали озираться.

Улица по-прежнему была пуста. Прохожие отсутствовали. Происшествие вроде бы не привлекло внимания посторонних людей.

На этот участок проспекта выходили только два здания. В одном располагался магазин, полностью безлюдный. Даже сторож не вышел на шум.

На другой стороне, торцом к проезжей части, стоял трехэтажный дом. Жильцы свет не включали. Впрочем, в одном из окон последнего этажа отогнулась шторка и обрисовался нечеткий силуэт. Человек не афишировал свое присутствие, тихо наблюдал за тем, что происходило внизу.

– Никита, мать твою, ты что наделал? – заявила блондинка, обнаружив бездыханное тело на проезжей части. – Ты на хрена девчонку сбил?

Нетвердой походкой она добралась до покойницы, которую освещал фонарь, попятилась, согнулась пополам, и ее

вырвало. К ней подбежал коренастый плешивый субъект, схватил за локоть, начал оттаскивать. Водитель не подходил к человеку, которого сбил. Он метался вдоль левого борта изуродованного автомобиля, осматривал повреждения, ругался пьяным голосом.

– Никита, ты девчонку убил, – сообщил ему лысый тип, подтаскивая к машине упирающуюся блондинку.

– Да пошла она! – взвыл Никита. – Откуда взялась? Не было никого на дороге! Не сбивал я ее, сама под машину бросилась!

– А мы уже не едем в «Калошу»? – пьяно пробормотала рыжая девица, вываливаясь с заднего сиденья.

– Валим отсюда, пока никого нет! – торопливо пробормотал третий паренек. – Никита, скажешь, что машину у тебя угнали. Хотя как хочешь. – Он сообразил, что сам ни в чем не виноват.

Выпил, да, но ведь пассажирам это не возбраняется.

– Придурок, звони отцу! – прошипела блондинка. – Пусть отмазывает тебя, пока не поздно.

Но Никита явно не дружил с головой, продолжал метаться, не глядя на мертвую девушку. Потом сработало что-то в мозгу, он зашарил по карманам.

Тут пространство озарил свет фар. По проспекту на высокой скорости шла машина. Завизжали тормоза. «УАЗ» патрульно-постовой службы едва не наехал на мертвую девушку. Он остановился в нескольких метрах от распростертого

тела. Из машины выскочили двое полицейских с автоматами.

– Всем оставаться на местах! – прокричал сержант.

Никто и не дергался. Фары освещали участников событий. Люди застыли, боялись пошевелиться. Полицейские, передергивая затворы, шагали к ним. Мизансцена – куда конкретнее. «Лексус», въехавший в торговый павильон, тело без признаков жизни, перепуганные молодые лица, запах спиртного, витающий над проезжей частью.

– Она сама бросилась под колеса! – Никита первым вышел из ступора, задергался.

Патрульный ударил его в живот, вывернул руку.

– Да как вы смеете? – завопил Никита. – Вы знаете, кто я такой?!

За все это он тут же схлопотал вполне заслуженную затрепину.

Второй патрульный оказался сообразительнее первого. Он включил фонарь, осветил номерной знак «Лексуса», застрявшего в павильоне, и глухо выругался. Номер оказался знакомым ему. Сотрудник ППС подбежал к товарищу, что-то прошептал ему на ухо. Тот тоже ругнулся, ослабил хватку.

Никита почувствовал послабление, задергался.

– Уймись, придурок, – бросил ему сержант. – Все быстро в машину! – Он ткнул пальцем в дрожащую кучку молодежи. – Живо, я сказал! Всем сидеть и не отвечивать. Первый, кто дернется, получит по затылку!

Второй полицейский распахнул зарешеченный отсек

«УАЗа» и начал заталкивать в него растерянных молодых людей. Девушки возмущенно попискивали, но патрульный с ними не церемонился.

Едва он захлопнул дверь, как на встречной полосе объявилась легковушка с шашечками. Таксист сбросил скорость, когда подъехал к месту аварии. Второй полицейский замаха­ л ему. Мол, проезжай, нечего тут смотреть, а то станешь участником! Таксист оказался понятливым, поддал газа.

Сер­жант побежал к ради­и, встро­енной в приборную панель.

Оперативные службы в эту ночь реагировали быстро. Экипаж ГИБДД примчался через две минуты. Карета «Скорой помощи» – через три.

Офицер с погонами капитана внимательно осмотрел место аварии, приказал своим людям укрыть тело, заглянул в «мобильный обезьянник», где сидела дрожащая компания, и поморщился. Разъяснений не требовалось. Пьяная езда. Водитель не заметил девушку на пешеходном переходе. Шок, испуг, хотели сбежать, но патруль успел перехватить. Все легко и просто, кабы не личность парня, сидевшего за рулем.

Мимо проехали еще несколько машин. Кто-то остано­вил­ся у обочины, но быстро смылся. Показалась компания прохожих-полуночников. Они встали поодаль и обсуждали увиденное.

Виновников аварии из «УАЗа» не выпускали. Медики констатировали смерть, тело погрузили в машину, повезли

в морг.

Следователь совместно с инспекторами осмотрел «Лексус», повреждения, полученные магазином. Должностные лица начали сочинять протокол, в котором по совету обладателя капитанских погон оставили свободные места.

Проснулся сторож, находившийся на другой стороне здания, прибежал. Тоже выпил человек, крепко спал. Примчался на «Ладе» владелец торговой точки, схватился за голову. Очевидцев случившегося явно не было. Люди, появившиеся позже, в счет не шли.

В единственном жилом доме, выходящем на дорогу, окна оставались темными. Даже на третьем этаже, где за занавеской поблескивал любопытный глаз. У этого человека хватало сообразительности. Он не высовывался.

Прибыл эвакуатор. Люди в комбинезонах быстро извлекли «Лексус» из западни, погрузили на платформу. Передок машины был смят в лепешку. Удивительно, что никто из пассажиров не пострадал.

К часу ночи на месте происшествия остался только раскуроченный магазин, несколько зевак и лужа крови на проезжей части. Подошла поливальная машина, смыла ее.

Виновников «торжества», особо не афишируя, доставили в полицию. Молодые люди относительно протрезвели, галдели, что ничего не видели, ни в чем не участвовали. Были пьяные? Имеют право! Они не собираются свидетельствовать и что-то подписывать! Их от греха подальше упрятали

в пустой кабинет и решили пока не отпускать.

Никиту изолировали от прочих. Всем было понятно, что именно он находился за рулем. Об этом свидетельствовал и охранник из «Тануки», откуда ехала загулявшая компания.

Никита сидел в кабинете капитана Каретникова весь нахотленный, злой. Страж порядка тоже не испытывал удовольствия от общения. Он знал, на кого зарегистрирован «Лексус» и кто сидит напротив. Матвеев Никита Эдуардович, девятнадцатилетний оболтус, мажор, прожигатель жизни, достойный представитель местной золотой молодежи.

Единственный сын Эдуарда Геннадьевича Матвеева, владельца и председателя совета директоров банка «Элегия», самого крутого в городе предпринимателя, способного влиять на мэра, депутатов, руководство полиции. Фактически он заправлял всем в этом городе. Ни один мало-мальски значимый проект не обходился без вердикта Матвеева. Он имел полезные связи в столице.

Этот человек никогда не лез в первые ряды, не светился на телевидении, в других средствах массовой информации. Он был незнаком большинству рядовых обывателей. Но те персоны, карьера которых зависела от него, знали о нем не понаслышке. Доставить неудовольствие Матвееву считалось равнозначным обвинительному приговору. А после того как Эдуард Геннадьевич всерьез замахнулся на депутатство в Государственной думе, осторожные люди и вовсе старались не связываться с ним.

– Засиделся ты что-то в капитанах, Каретников, – процедил сквозь зубы трезвеющий Никита. – Тебе старлея скоро дадут. Ну и чего уставился? – Парень начал закипать. – В кузку хочешь отправить? Хрен-то там, не прокатит. Не сбивал я никого, понял? Баба покончить с собой решила, вот и бросилась под колеса! Телефон верни, чего отобрали? Мне отцу позвонить надо. Ты что, арестовал меня?

Капитан Каретников скрипел зубами и молча сносил оскорбления заносчивого молокососа. Парень убил ни в чем не повинную девушку, на что ему было глубоко и искренне плевать. Воля капитана, он бы размазал подонка по стенке! Но как потом жить? Двое детей детсадовского возраста, кредит на приличный внедорожник. Он не сказал ни слова, забрал со стола протоколы, подписанные следователем Свиридовым и автоинспектором Селиным, подтолкнул задержанному его же смартфон и вышел из кабинета.

Никита схватился за аппарат, отыскал номер дрожащими пальцами. Он страшно боялся гнева родителя и получил по полной программе! Сбиваясь, косясь на закрытую дверь, парень что-то лепетал. От страха отнимались ноги, язык нес полную ахинею.

Отец, разбуженный среди ночи, все понял и впал в неистовство. Он орал так, что у сына вяли уши.

– Кретин! Идиот! – это были самые невинные характеристики отпрыска. – Ты окончательно охренел?! Я этому тебя учил?! Сиди в ментуре и рта не раскрывай, понял, недоно-

сок?! Ничего не подписывай, не давай никаких показаний! Прибудет мой адвокат... черт, я сам приеду через час! И дружкам своим скажи, чтобы молчали как рыбы! На ментов не дергайся, понял?!

– Так они меня в обезьянник посадят, – пробормотал Никита. – За что? Я не хочу...

– Придурок, ты человека убил! – Эдуард Геннадьевич уже сорвал голос и хрипел. – Ничего, не облезешь, посидишь. А дома еще получишь от меня и от матери! Все, сиди, не рыпайся, я сам позвоню ментам. Кто тебя допрашивает – капитан Каретников?

Разговор был окончен. Никиту трясло, пот катился с него градом. Да хрен с ней, с этой бабой. Отец избавит от неприятностей. Сама виновата, дура. Смотреть надо, куда прешь!

Страх перед отцом был круче ответственности перед законом и так называемой совестью. Прибьет как пить дать! Лишит денег, не даст больше машину, ограничит свободу передвижения. Еще и учиться заставит – по-настоящему, без взяток преподам. И какого, спрашивается, хрена эта идиотка прыгнула под колеса? Прикажете гробить жизнь из-за какой-то плебейки?!

Впрочем, все закончилось благополучно. Прибыл хорошо одетый, профессионально взволнованный адвокат, внимательно изучил протоколы, составленные на месте аварии. Он позвонил в ГИБДД, долго вел с ними душшевную беседу, поговорил в закрытом кабинете со следователем.

Временное соглашение было достигнуто. Всю компанию вывели из отдела через черный ход и отправили по домам, дав наказ помалкивать, если не хотят неприятностей.

За главным героем ночи на неприметном сером внедорожнике прибыл отец, коренастый плотный мужчина под метр восемьдесят. Его лицо было бледным от злобы. Он схватил отпрыска за шиворот, швырнул в машину и приказал не выходить. А сам, пыхтя от злости, направился в здание – выяснять, что случилось на самом деле, и давать сотрудникам правоохранительных органов ценные указания.

Глава 2

Илья Мороз, осанистый светловолосый мужчина, совсем отключил телефон. Он чувствовал, что не за горами ответственный момент, и входящие звонки будут несколько некстати. Офицер реально запыхался, хотя его занятие этой ночью весьма отдаленно вязалось со словом «секс».

Капитан Мороз возглавлял группу бойцов, преследующих арестантов, сбежавших из зоны. До недавнего времени он служил в бригаде специального назначения, командовал группой быстрого реагирования. Соединение расформировали, людей влили в другие подразделения.

Вот уже полгода Илья являлся командиром специальной ударной группы при некоей официальной структуре, занятой противодействием террору. У него было двенадцать человек, но капитану редко приходилось использовать весь состав. Полноценные боевые действия на территории РФ, слава богу, не велись.

Он машинально глянул на часы. Без четверти двенадцать. Кому куда. Сестренке на электричку. Ему тоже пора бежать.

Он выбрался из-под еловых лап и припустил по лесной дороге. Она входила в поворот, и видимость терялась. Ночь выдалась лунная, но кроны сосен над головой создавали сумрак склепа. Капитану приходилось нырять за деревья, переходить на гусиную иноходь.

Он слышал отдаленные крики, гортанные, очень характерные. Загремели выстрелы. Выходит, все правильно. Капкан захлопнут!

– Старшой, ты где? – скрипнул в эфире голос лейтенанта Полуяна.

– На дороге. До фермы, по моим прикидкам, метров шестьсот.

– Я перед тобой. Здесь овраг и худые мостки. Догоняй. Между нами их нет. Они выходят к ферме. У них один подстреленный. Терехов и Никитин не пустят их на север. Придется нашим голубчикам воевать на ферме.

– Сейчас буду. – Илья досадливо поморщился.

Он отстал от подчиненных, плутая по лесу. Да еще Настя отвлекла.

Капитан подтянул амуницию, перехватил «АКС», пригнулся и побежал по дороге. Где-то впереди опять затрещали выстрелы. Терехов с Никитиным загоняли беглых арестантов на ферму.

С одной стороны, это было неплохо. На душе спокойнее, когда враг заперт. С другой – не очень. Беглецы укрепятся на ферме. Публика непримиримая, терять ей нечего. Значит, надо не допустить, чтобы они заняли оборону.

Секунд за сорок он добежал до оврага, который пересекали утлые мостки. Легковая машина здесь могла бы пройти, а вот грузовая – уже сомнительно. Капитан миновал мост, встал, огляделся.

Послышался тихий свист. Из-под куста вылез невысокий человек в пятнистом комбинезоне и устремился на дорогу. Лейтенанту Полуяну недавно исполнилось двадцать пять.

– Привет! – бросил он.

– И тебе привет, – скупое отозвался Илья. – Давай бегом, Олежка, негоже в хвосте плестись.

– Пошли. – Полуян закинул за плечо автомат. – Потеем, как на ленинском субботнике.

Справа от дороги уже синел просвет. Подробная карта в телефоне уверяла, что там, за буграми и оврагами, находится заброшенное животноводческое хозяйство. В радиусе пяти верст нет больше ничего, хоть как-то напоминающего о цивилизации.

– Командир, это старый хлев, – проговорил старший лейтенант Терехов. – Клиенты здесь, все четверо. Мы держим их на севере и западе. С востока пустырь, а потом овраги. Они боятся выходить на открытое пространство – сразу перебьем. Вы с Полуяном где, если не секрет?

– Мы уже рядом.

По курсу вспыхнула беспорядочная стрельба. Отстреливались беглецы, загнанные в ловушку. Так уж вышло, что все их планы в эту ночь оказались спутаны.

Как, впрочем, и соображения работников ФСИН, затеявших ночную транспортировку арестантов. Они выехали еще вечером со всеми мерами предосторожности. Серьезный автотазак, охрана из автоматчиков, контроль по навигатору за

передвижением транспорта.

Четверых опасных заключенных перевозили из особо охраняемого СИЗО под Ивантеевкой в ведомственный изолятор ФСБ в Литвиново. Все четверо имели отношение к боевикам ИГИЛ, воюющим в Сирии. Это были печально известные салафиты, агрессивные поборники первоначальной чистоты ислама.

В тюрьме они именовали себя джамаатом, то есть общиной единомышленников. Конфликтовали с администрацией, ворами, никого не боялись. Сотрудники относились к ним с опаской, старались не задирать.

Эти люди придерживались традиционного образа жизни, за своих выступали горой, носили причудливые бороды, при этом тщательно сбривали щетину с щек и под носом. Даже в тюрьме они занимались активной вербовкой и кое-кого из славян перетянули на свою сторону. Все четверо были уроженцами Кавказа.

Трое из них сидели за вооруженное ограбление отделения банка в Москве. Четвертый – Ибрагим Муслимов, одиозный главарь бандформирования – попал на зону за убийство полицейских в Махачкале и организацию теракта на базаре в Дербенте. Суды состоялись, сроки раздали. Троица получила сорок пять на троих, Муслимов – двадцать. К местам отбытия заключения их сразу не отправляли. Всплыли новые факты, заинтересовавшие ФСБ.

История с перевозкой была какой-то мутной. Автозак под

видом почтового грузовика вышел из Ивантеевки в восемь вечера. Транспорт охраняли четверо обученных контролеров с автоматами. Плюс водитель.

Но так уж вышло, что сопровождать машину оказалось некому. Оба джипа, приписанных к СИЗО, вдруг чудесным образом сломались. Этот странный факт не насторожил руководство ФСИН.

Машина шла окольными путями, стороной от оживленных трасс. Маршрут был расписан, за перемещениями следил диспетчер из Ивантеевки. В районе Трубино сотрудники ФСБ обещали подхватить транспорт.

В тридцати километрах от этого места все и случилось. Диспетчер подал сигнал тревоги. Автозак остановился! Дорога шла по лесу, в стороне от населенных пунктов. Может, колесо меняли?

Связь с машиной пропала и больше не появлялась. Но маяк работал. По нему и отследили сбежавших арестантов. Машина двигалась на север, в противоположную сторону от Литвиново.

Оперативники ФСБ из Трубино помчались ей навстречу и в кустах у обочины обнаружили пятерых мертвых охранников. Двоих беглецы просто искрошили свинцом, троих поставили на колени и убили выстрелами в затылки. Если среди погибших и был предатель, то он сам себя наказал.

Сигнал тревоги поднял подразделения внутренних войск в Лесных Полянах, в Щелково. Район пытались оцепить,

но невозможно поставить солдата за каждой кочкой. Автозак углублялся в лесной массив, кольцо вокруг него сжималось. Беглецы объезжали деревни, упорно прорывались на север. Возможно, у них имелся какой-то план, конечная точка маршрута.

Погоня продолжалась недолго. Работники ФСБ на двух джипах настигли автозак. Но беглецы его уже бросили и уходили пешком через лес.

Чекисты кинулись в погоню и попали под обстрел! Троиخ ранили, преследование захлебнулось.

Рота внутренних войск потеряла беглецов. Они просочились через оцепление, как песок сквозь пальцы! Положение складывалось критическое.

Тут-то к делу и была подключена группа капитана Мороза. Она находилась во Фрязино. Парни брали толстосума, главу местного наркокартеля.

Операция прошла успешно. Люди получили сутки на отдых, но были подняты. Обычное дело. Мол, вы же незаменимые!

Илья решил работать малым числом. Нечего толпиться в лесу. С ним были Полуян, Терехов, Никитин, самые лучшие. «Вертушка» уже ждала на площадке, примерный путь отхода убийц был ясен.

Спецназовцы высадились на дороге, недалеко от опушки, и попали с корабля на бал, четко вписались в боевые действия. Беглецы открыли беспорядочный огонь. Сняли с

мертвых охранников разгрузочные жилеты со всем содержимым и получили достаточное количество боеприпасов. Их загнали в лес, стали выдавливать по дороге на север.

К западу от лесного массива шел овраг. По нему Илья и отправил двоих бойцов с задачей обойти преступников. А сам вместе с Полуяном кинулся на дорогу. Он отстал. Сестренка Настя позвонила немножко не вовремя.

Справа от дороги лес оборвался. Там просматривалось длинное строение с выбитыми стеклами и развалившаяся силосная башня. Буераки, густой бурьян, кустарники. Кричали люди, мельтешили вспышки автоматных очередей. Местность плавно погружалась в низину, и акустика здесь была какой-то причудливой. Звуки выстрелов напоминали трещотку. Бойцы ушли с дороги, бежали, пригнувшись, вдоль земляного вала.

Терехов лежал за косогором и спокойно, как на полигоне, постреливал одиночными.

Он повернул голову на шум и заявил:

– Рад видеть, командир. Присоединяйтесь. Скучновато здесь, правда.

Вытянутое строение – то ли хлев, то ли конюшня – было как на ладони, неплохо освещалось луной. По нему бегали люди, ругались не по-русски, иногда припадали к окнам, палили наобум и хрипло кричали: «Аллах акбар!» Ни ума, ни фантазии. Вопить больше нечего, да?

Самообладание у преступников, похоже, иссякало. Про-

рваться на восток они уже не могли. Старший лейтенант Никитин расположился на пригорке к северу от фермы и держал под обстрелом весь пустырь позади строения.

– Командир, ставь задачу, – прозвучало в эфире. – Боеприпасы не резиновые.

– Не трать без острой необходимости, – отозвался Илья. – Твоя задача – не пустить их к оврагу. Прикрывай нас, мы сейчас пойдем.

Ждать у моря погоды не имело смысла. Пальба преступников не уstraшала спецназовцев. Прятаться они давно научились, перед окнами не светились. Эти люди, за исключением Муслимова, не были подготовленными боевиками. Они обращались с оружием, как тупые налетчики.

Трое спецназовцев открыли шквальный огонь по ферме. Столбом вставала пыль, летели щепки от раскуроченных стен. Крики «Аллах акбар!» становились какими-то жалобными.

Бойцы поднялись, продолжая стрелять, скатились с косогора, снова залегли. Секунды ушли на перезарядку. За углом разразился звонкой трелью автомат Никитина.

Спецназовцы вновь ударили по окнам, совершили еще одну перебежку. Они, не стовариваясь, достали гранаты и стали метать их в оконные проемы. «РГД» взрывались с пронзительными хлопками. Две влетели в окна, одна не попала, рванула под зданием, разметала сухую грязь и бурьян. Бойцы вскочили и побежали через дым, обстреливая оконные

провалы.

На ферме творилось что-то невообразимое. Беглые арестанты вопили дурными голосами.

Илья колесом перекатился через подоконник, влетел в строение, насыщенное застарелыми ароматами, дал очередь налево, направо. Фонарь на стволе вырывал из мрака гниющие загородки, задубевшую солому, продольный желоб по центру помещения.

Товарищи прыгали в соседние окна, стреляли, стараясь не попасть в своих. Терехов весьма нецензурно выражался. Он то ли схватился с кем-то, то ли запнулся.

Снаружи доносилась пальба. Никитин увлеченно изводил боезапас.

В свете фонаря мелькнула перекошенная рожа – пухлые щеки, борода лопатой. Салафит летел на Илью с гортанным криком. Видимо, патроны у него кончились.

У капитана даже секунды не было на раздумье. Стальное лезвие уже тянулось к горлу! Он рухнул на колени и нажал на спусковой крючок, когда живот противника уже уперся в ствол, а над макушкой что-то просвистело.

Эта тварь долго не издыхала. Свинец превратил ее кишечник в кашу, а она еще махала ножом, хрипела, выдавала незамысловатые ругательства.

Мертвое тело навалилось на спецназовца. Он отбросил его плечом и на всякий случай осветил фонарем. Оскаленная морда, мертвые глаза навывкате. Не Муслимов. У того ро-

жа холеная и борода не торчит, как штыковая лопата.

– А что, нормальное, вполне интеллигентное лицо, – заметил Полуян, пробегая мимо.

Его соперник по спаррингу тоже был повержен, хотя еще скреб рукой по полу, набирал в кулак солому. Тоже не Муслимов.

Терехов схлестнулся с третьим, молодым, жилистым. Они мутузили друг дружку, кряхтели так, как будто ворочали немыслимые тяжести.

Полуян бросился помогать Терехову, а Илья присел на корточки и осмотрелся. Пуля из дальнего угла была бы сейчас очень не к месту. Но ничто не указывало на то, что в хлеву прячется четвертый боевик.

Где Муслимов?!

– Мишка, это что за ласки? – выкрикнул Полуян, награждая ударом приклада преступника, впавшего в бешенство. – Между вами точно какая-то химия!

Брызнула кровь из рассеченного виска. Арестант откинул голову и затрясся, проклиная всех неверных и нечестивых. Терехов сбросил его с себя, начал подниматься.

– Красота, – оценил содеянное Полуян. – Весь в собственном соку, как говорится. Слышишь меня, кусок дерьма? У нас для тебя хреновые новости! Будешь дальше срок отбывать, но жизнь твоя изменится. Не будет в ней прежнего наслаждения молодостью и здоровьем.

– Мужики, где Муслимов? – воскликнул Илья, и его то-

варищи всполошились.

Муслимова не было в этом благословенном месте. Мелочь попалась, а крупная рыба ушла! Пятна света плясали по дальним углам. Участки, недоступные для него, спецназовцы проверяли свинцом.

– Прекратить огонь! Никитин, мать твою, ты спишь? Где Муслимов?!

– Я преследую его, командир, – хрипло выдавил из себя боец. – Он вырвался, когда началась заварушка, бежит по оврагу на восток. Тут повсюду буераки, препятствия, черт ногу сломит. Пока я вижу его, но снять не удастся.

Перехитрил этот поганец! Рванул, как спринтер, перелетел пустырь, а Никитин прошляпил, отвлеченный событиями на ферме.

– Полуян, за мной! – Илья перепрыгнул через желоб для кормежки живности. – Терехов, остаться, собрать оружие, связаться с базой! Следи за задержанным, свяжи его.

– И сильно не бей, – заявил Полуян, пристраиваясь в хвост командиру. – Держи себя в рамках действующего законодательства.

Веселая ночка только начиналась. Дверь строения была вывернута вместе с косяками. Они вылетели из проема, как из пушки.

– Двести метров строго на восток, – сотрясало эфир рычание Никитина. – Мужики, я, кажется, ногу подвернул. Осторожнее в овраг прыгайте.

Они неслись, как спринтеры на финише. Хуже нет, когда работа сделана не до конца. Пространство впереди рвали выстрелы. Паузы между ними делались все дольше, потом пальба затихла. Мелькали кочки, обрывистые лощины.

Бойцы не заметили разлом в земле. Они катились по склону, активно используя пятые точки.

В этом овраге и застрял Никитин. Человек в комбинезоне копошился на противоположном склоне, пытался забраться на него, используя выступы.

– Мужики, я в натуре ногу подвернул, – пробормотал незадачливый офицер. – Спрыгнул, а там камень торчал. Давайте сами. Он далеко не ушел, к лесу направляется. Я сам выберусь, добреду.

Ничего ужасного с Никитиным не случилось. Такое с каждым может произойти.

Бойцы поднялись по склону, выкатились на открытое пространство. Детали ландшафта стали зримее и отчетливее. До самого леса простиралась бугристая местность, по которой перемещалась размытая точка.

Муслимов! До зарослей ему оставалось метров триста.

Бойцы опять неслись, перепрыгивая через кочки. Фигура беглеца колыхалась перед глазами, то отступала, то делалась ближе. Тяжелая амуниция мешала двигаться. Но скидывать ее – терять время.

Приказа брать преступника живым не поступало. Илья опустил на колено, стал ловить в прорезь прицела бегущего.

го террориста. Задержать дыхание трудно, черт возьми, когда оно так и рвется из груди. Он стрелял короткими очередями в одну точку, сыпались под ноги пустые гильзы.

Полуян остановился и тоже начал стрелять.

Муслимов исчез из обозримой зоны. Упал? Только спецназовцы обрадовались и кинулись дальше, как он опять поднялся и пустился наутек.

Муслимов не стрелял. Видно, нечем уже было. Он бежал налегке, перелетал через кочки. Возраст и здоровье, поправленное в тюрьме, позволяли ему это.

Бандит сместился вправо, собрался бежать вдоль опушки. В этом имелся резон. Он рассчитывал на быстрые ноги, но не на умение прятаться в лесу, в котором не мог тягаться с опытными спецназовцами. Муслимов действительно смещался вправо, чесал вдоль леса, как профессиональный бегун.

«Знает, куда идти? – мелькнула мысль в голове капитана. – Не поджидают ли его сообщники? Почему автозак с беглецами шел именно сюда? А ведь справа на равнине может быть дорога. Хреново, когда не видно ни зги!»

– Олег, давай за ним! – приказал Илья. – А я зайду справа. Не нравится мне это. Если скроется в лесу, немедленно сообщай.

Он свернул направо, ушел в лощину, продрался сквозь кустарник. Через двести метров капитан обнаружил, что его напарник бежит вдоль опушки.

Муслимов мелькал впереди, теперь уже слева, с малым опережением. Он решительно игнорировал лес. Его как магнитом тянуло вправо.

Снова лощина, черт бы ее побрал! Когда капитан вырвался на ровное место, беглеца нигде не было. Илья бросился дальше.

– Полуян, где Муслимов?

– Ты почему спрашиваешь, командир? – Смазанная точка – определенно лейтенант Полуян – продолжала двигаться краем леса.

– Я в овраге был.

– Знаешь, я тоже. Перелезть пришлось через какие-то ямы. Не вижу его. Слушай, может, он в лес подался? Сообразил, что не уйдет по равнине?

Дьявол! Сбывались самые скверные предчувствия. Ох, как не любил Илья незавершенных дел.

– Давай в лес. Только будь осторожен. Держим связь.

Полуян послушно ввалился в осинник, растворился за деревьями. Илья продолжал бежать и заметил, что местность пошла на понижение. Внизу безбрежное море кустарника, невысокие деревья.

В зарослях вилось что-то светлое. Дорога.

Муслимов возник внезапно. Он выскочил на грунтовку и понесся по ней.

Илья подался наперерез. До дороги не так уж и далеко. Нога угодила в петлю из переплетенной травы, и он повалил-

ся наземь с медвежьей неуклюжестью! Тряхнуло его основательно.

Когда он поднялся, наушника в ухе не было. Замечательно! Теперь командир без связи. Горело колено. Он потерял кучу времени, но бежал. Полуян не придет, он далеко в лесу. Остальные еще дальше.

Муслимов катастрофически отделился. Стрелять было глупо, да и патроны кончались. Капитан заговаривал боль, сжимал ее зубами, грузно бежал по проселку. Вскоре он начал доставать Муслимова. Тот тоже двигался тяжело, часто озирался.

«Теперь не уйдет, – решил Илья. – Я его догоню. Только бы не упасть».

Но сделать это было не так просто. Беглец уже скрывался за поворотом. Бежать становилось труднее, дыхалка не железная. О рывке даже речи не шло. Он не машина с форсированным двигателем!

Наверное, капитан что-то почувствовал, приближаясь к повороту. Иначе не успел бы среагировать. Илья пробежал изгиб и встал, когда ослепительный свет фар ударил ему в лицо!

«Все это неспроста! – пронеслось в голове Ильи. – Муслимова встречают именно здесь. Сюда он и рвался на захваченном автозаке, пока не понял, что в машине маяк, а на хвосте спецназ».

Ступор продолжался недолго. Кричали люди, Муслимов

бежал к ним, что-то восклицая. Из машины выпрыгивали размытые личности.

Илья метнулся к обочине, вскинул автомат. Концентрические круги носились перед глазами. Он ни черта не видел из-за этого света. Раздался крик, и по капитану синхронно ударили две единицы автоматического оружия. Он машинально повалился на землю, выкатился за пределы дороги. Люди кричали, палили. Хлопнула дверца. Муслимов забрался в машину?

Он дождался паузы, пока противник начнет перезаряжать, встал на колени, ударил длинной очередью, почти не видя мишеней. И снова ошибка! Они и не думали перезаряжать. Ответная пальба разразилась мгновенно.

Нюх на подлетающую смерть у спецназовца был отменный. Он повалился, откатился в сторону. В этот момент пуля ударила в казенник «АКСа», выбила оружие из рук. Капитан завалился в кустарник.

Вот это номер! Он не верил, что допустил за одну ночь столько ляпов. Зверски болела рука от плеча до кончиков пальцев, острые ветки впивались в шею, в лицо. Илья полз от дороги. Густая растительность хваталась за одежду, мешала. Немели ноги.

В довершение ночных удовольствий он вдруг почувствовал, как погружается в зловонную жижу! Ему удалось с трудом перевернуться на спину и поднять голову. Капитан лежал в гуще кустарника, метрах в десяти от дороги. Он на-

половину утонул в болотине, не имел возможности ползти дальше.

«Полный улет!» – сказала бы развязная девица Оксана, с которой Илья порвал отношения на прошлой неделе.

Он лежал в вонючей жиже и думал, что запросто может утонуть в ней. Впрочем, ветки и корни поддерживали его. Илья затаил дыхание, напряг слух. Правая рука ничего не чувствовала, но механически ощупывала жилет, надетый поверх комбинезона. Чертов лифчик! Как и всегда, в самый ответственный момент в нем нет ничего нужного! Пистолет сзади, до гранаты не дотянуться, да и нет большого желания себя взрывать.

Он почти полностью ушел под воду. Наверху осталось только лицо.

Поскрипывали подошвы. Двое мужчин шли по дороге и негромко переговаривались. В голосе одного из них звучали выразительные кавказские интонации. Они остановились примерно там, где он проделал кувырок, видимо, искали автомат, потерянный спецназовцем. Нашли или нет, неизвестно, но решили пострелять. Бояться им было нечего. Никакой двуногой живности в округе не наблюдалось.

Они ударили из двух стволов, по кустам, в которых растворился офицер. Обычные трещотки, компактные пистолеты-пулеметы, израильские «узи» или чешские «Скорпионы».

Илья зажмурился. Пули растрясали листву, обламывали

ветки. Весь свинец ушел на потрошение кустарника. Боевики перезаряжали оружие.

Он открыл глаза. За ворохом листвы Илья не видел даже силуэтов! Мужчины обменялись какими-то фразами, посмеялись. Он вслушивался в интонации голосов, запоминал их.

Снова застучали автоматы. Теперь преступники взяли ниже. Они вполне резонно допускали, что дичь далеко не ушла.

Илья стиснул зубы. Несколько пуль попали в воду совсем рядом, еще одна угодила между ног. Самая настоящая лотерея!..

Бандиты прекратили огонь. Муслимова среди них не было. Видимо, он в машине отсиживался. Мужчины развернулись и потопали назад. Через минуту заурчал мотор. Водитель долго разворачивался на узкой дороге. Потом шум двигателя затих.

Илья облегченно выдохнул, но продолжал лежать, перестраховываясь, пока позвоночник не заledenел. Он начал подниматься, отлеплять одежду от ветвей и клейкого ила, пополз на дорогу, проклиная собственный непрофессионализм.

Автомат капитан нашел под откосом, в жухлой траве. Вот и хорошо. Ни к чему дополнительные неприятности. Одежда пропиталась холодной болотной жижей. Он стащил с себя жилет, комбинезон, выжимал одежду, трясясь в ознобе.

За этими вот делами его и застал запыхавшийся Олег Полуян. За ним хромал старший лейтенант Никитин, который

не хотел оставаться в стороне. Как они вовремя, черт возьми!

– Командир, а что это ты?..

Олег еще не закончил формулировать вопрос, а Илья уже разразился злобной бранью. Он был весьма самокритичен этой ночью.

– Ладно, успокойся, с кем не бывает, – проговорил Полуян. – Ты слишком строг к себе, командир. Извини, мы не могли прибыть раньше. Я в лесу ни черта не слышал, искал Муслимова под кустами. Пальбу случайно ветер донес, когда я на поляну вышел. А Никитин вообще колченогий.

– Обидно, мужики. Я думал, будто мы уже достигли совершенства. – Никитин тяжело вздохнул. – Что случилось-то?

Илья поведал обо всем без прикрас. Преследовать бесполезно, ни номера, ни даже марки машины он не засекал, лица преступников остались за кадром. Перехват не получится. Район безлюден, потребуется несколько часов, чтобы его оцепить. Преступники уже уйдут.

Можно собрать несколько гильз, сдать их на экспертизу, выяснить, не засвечены ли стволы. Исследовать следы протектора, оставленные машиной. Но этим пусть занимаются специально обученные люди. Спецназ свою работу сделал, как уж смог.

Илья доложил о случившемся полковнику Козыреву, куратору группы. Сотовая связь в районе работала. Полковник изволил отдыхать, но Илье Морозу было на это глубоко и искренне плевать.

Двое беглых арестантов уничтожены, один захвачен. Спецназ потерь не понес, не считая подвернутой ноги Никитина. Одному террористу удалось уйти. Зато какому, мать его так!

– Бывали дни, когда ты работал лучше, капитан, – обдумав услышанное, заметил полковник. – Но я понимаю, что так расположились звезды. Ты оказался в критической ситуации. Где прикажешь искать Муслимова? Он может залечь на дно и продолжать подготовку к терактам. Или уже завтра всплывет в своем родном районе. Мы разошлем ориентировки. Хорошо, что одного вы взяли живым. Он может дать информацию о планах Муслимова... если тот, конечно, полный кретин, чтобы ими делиться с мелкими сошками. Сообщите свои координаты и минут через сорок ждите вертолет. Выжившего беглеца доставить в госпиталь и охранять. Утром явишься ко мне на доклад. Все.

Холод тряс поджилки. Илья отдал бы ползарплаты, чтобы очутиться сейчас рядом с костром. Нужно уходить – разогреться во время движения.

Но с Ильей происходило что-то странное. Отрезок дороги в болотистой низине никак не отпускал его. Он всматривался в серую ленту грунтовки, колебался, как будто ждал, что преступники вернуться, слушал звенящую тишину. На душу давило предчувствие чего-то тяжелого. И Муслимов тут, кажется, был не при делах.

Глава 3

Эдуард Геннадьевич Матвеев со всей дури хлопнул дверцей машины, распахнул заднюю, за шиворот вытащил отпрыска. Никита был тише воды ниже травы. Он вел себя как нашкодивший котенок, полностью согласный с обвинениями, предъявленными ему.

Матвеев потащил его по мощенной гравием дорожке, мимо расписной беседки, увитой плющом, смущенного охранника. Никита тихо скулил, но не дергался. Папенька заволок его на крыльцо относительно скромного белокаменного коттеджа, стоявшего на окраинной Гурьевской улице – у Матвеева имелся также особняк далеко за городом, там он меры не знал, – пинком отворил дверь.

– Марш к себе в комнату! – прорычал он. – И никуда не выходить без моего ведома! Увижу, прибыю на месте!

Непутевый наследник влетел в дом и припустил по лестнице. В холле отворилась дверь на кухню. Показалась Маргарита Львовна, закутанная в халат, статная сорокапятилетняя женщина с распущенными волосами. В руке она держала хрустальный бокал на тонкой ножке. В нем переливалось нечто золотистое.

Матвеев скрипнул зубами. Опять ненаглядная бухает посреди ночи! Подошла к холодильнику поискать что-нибудь для души. Вкуснее виски в этот час ничего не нашлось.

Супруга проводила удивленным взглядом чадо, летящее по лестнице.

– Что-то случилось, Эдуард? – Она перевела красивые, еще не затуманенные алкоголем глаза на взбешенного супруга.

– Ничего не случилось, – отрезал он, машинально понижая голос, хотя этой ночью в доме не было ни охраны, ни подслушивающих устройств. – Если не считать, что твой разлюбленный и почти гениальный сыночек убил человека.

– Силы небесные!.. – Супруга отвесила челюсть. – Ты что такое сказал?

– Кончай бухать! – прошипел он, отобрал у Маргариты Львовны бокал и залпом выхлебал содержимое. – Еще раз увижу, что ты ночью прикладываешься, ей-богу, накажу, Марго.

– Да неужели? – осведомилась жена. – Какие мы сегодня страшные. Что ты сказал? Кого убил наш Никита?

– Напился в зюю и насмерть сбил человека, – пояснил Эдуард Геннадьевич.

Скрывать от жены происшествие было глупо, все равно узнает. Пьяной она не выглядела, не успела основательно приложиться. Отношения супругов не были доверительными, но Маргарита Львовна знала о кое-каких делах супруга. Будучи неглупой дамой, она могла временами дать дельный совет.

Жена побледнела еще больше. Муж затолкал ее на кухню,

напичканную самым современным оборудованием, бросил на стул и сжато поведал душешипательную историю. Конечно, Маргарита Львовна расстроилась, даже забыла про бутылку, сиротливо стоявшую рядом на стойке бара.

– И что теперь будет, Эдик? Ведь мальчик ни в чем не виноват. Это случайность. Подумаешь, немного выпил, зацепил какую-то полуночную шлюшку...

Она несла какой-то тихий вздор, но скандалить с супругой ему уже не хотелось.

– Уймись, Марго, все в порядке, – заявил он, усаживаясь на высокий табурет у стойки. – Надеюсь, это не станет преградой нашему счастью.

Как же не вовремя, черт возьми! Такой ответственный момент, дел через край. А он должен расплыться на досадные недоразумения.

Эдуард Геннадьевич задумчиво тянул виски и размышлял, как же ему теперь быть. Через какое-то время он очнулся. Жена сидела рядом и растерянно хлопала глазами.

– Марго, иди спать, – процедил муж. – Чтобы через минуту тебя тут не было. К Никите не заходи, пусть сидит в своих комнатах. Никакого общения, пока все не утрясется – ни с ментами, ни с корешами. Закрывать все окна, охрану в коридор!..

– И три ряда колючей проволоки, – икнув, пробормотала жена.

– Изволишь шутить, Марго?! – взорвался он. – Не пони-

маешь, чем это чревато?! Вон отсюда! Спать! И чтобы никому ни слова! – Муж злобно ткнул пальцем в дверь.

Женщина проглотила язык и ретировалась из кухни.

Временами у Эдуарда Геннадьевича складывалось впечатление, что его супруга не до конца вникает в те или иные события. словно затмение или слабоумие на нее сходило.

Он завинтил крышку на бутылке, достал телефон и набрал номер.

– Какого лешего? – прозвучал недовольный заспанный голос. – Вы знаете, который час?

– Я даже знаю, кто скоро с треском покинет должность заместителя начальника районного УВД, – ядовито проговорил Матвеев.

– О, черт!.. Простите, Эдуард Геннадьевич, не признал. – Собеседник закашлялся, потом его голос зазвучал осмысленнее: – Чем обязан, Эдуард Геннадьевич? Ночь, вообще-то, на дворе.

– К черту ночь! – прокричал Матвеев. – Ты в курсе, Вова, что творится в твоём районе?

– А что такое, Эдуард Геннадьевич?

– Кретин! Позвони капитану Каретникову, сошлись на меня и через пять минут выдай мне информацию, которую успели собрать ваши ищейки. – Он отключил телефон и потянулся к бутылке.

Зачем закрыл, спрашивается? Эдуард Геннадьевич плеснул в хрустальную стопку, выпил и задумался. Ладно, обой-

дется, ничего страшного. Деньги в конечном счете решают все. А Никите будет урок.

Заместитель начальника районного УВД майор Головки Владимир Алексеевич перезвонил через восемь минут. Линия была защищена на сто процентов. Подслушивать разговоры самого влиятельного человека в городе не мог никто.

Матвеев не зря связался именно с Головки. Все вопросы в местных правоохранительных структурах решал этот тип. Он имел влияние в органах, не лез в первые ряды, но всегда знал, за какие ниточки дергать.

Начальник РУВД полковник Пустов вполне оправдывал свою фамилию. Он был никто, пустое место, фигура номинальная и ничего не решающая. Но в качестве мебели смотрелся роскошно – представительная внешность, масляная обтекаемость речей, отсутствие претензий на значимость. Полковник прекрасно знал, какие фигуры роятся вокруг него, и что с ним будет, если однажды он пойдет наперекор их воле.

– Событие, надо признаться, неприятное, – открыл Америку Головки.

Голос его звучал вроде бы собранно и деловито. Но какая-то толика растерянности в нем оставалась.

– Да что ты говоришь?! – заявил Матвеев. – Знаешь, Вова, если ты собрался и дальше меня бесить...

– Я понял, Эдуард Геннадьевич. Погибшая – некая Мороз Анастасия Викторовна, двадцать семь лет...

– Она точно погибла? – перебил Матвеев.

– Так точно, Эдуард Геннадьевич. Удар был такой силы, что она отлетела на десяток метров и вдребезги разможила череп. Ники... прошу прощения, водитель «Лексуса» летел на скорости далеко за сто и женщину заметил в самый последний момент. По протоколу ГИБДД, тормозной путь составил от силы восемь метров.

– Ладно, я понял. – Матвеев поморщился. – Продолжай.

– Работает... работала медсестрой в терапевтическом отделении районной больницы. Возвращалась домой со смены, спешила на электричку. Не замужем, проживает с родителями в селе Быстровка.

– Минуточку, – встрепенулся Матвеев. – Это наша Быстровка?

Неподалеку от поселка с таким названием, в тридцати километрах от Новославля-Заречного, у него имелось поместье, где он часто проводил время. Усадьба располагалась в живописной местности, на берегу красивой речушки Томки.

– Да, это Быстровка, которая в нашем районе, – подтвердил Головки. – Родители погибшей – пенсионеры. Старший брат – офицер, служит в какой-то вспомогательной структуре, ничего особенного.

– Кто знает о случившемся?

– Несколько человек. Патруль ППС – их предупредили, чтобы держали языки за зубами. Старший лейтенант Селин из ДПС, его напарник лейтенант Осипчук. Следователь по

ДТП Свиридов, дежурный по РОВД капитан Каретников...

– Ладно, я понял, тьма народа, – перебил его Матвеев. – Но это ничего не меняет, Владимир Алексеевич. Если ты хочешь процветать и делать дальнейшую карьеру, то должен отмазать моего обормота любой ценой.

– Давайте откровенно, Эдуард Геннадьевич. – Голос Головки отвердел, что показалось Матвееву дурным знаком. – Я сделаю все возможное, чтобы отмазать вашего сына, совершившего серьезное преступление. Но угрозы и намеки недопустимы. Это ваш сын, а не мой, убил ни в чем не повинную женщину. Так что давайте обойдемся без неуместных предостережений, хорошо? Вам мало того, что я на вашей стороне?

– Ладно, Владимир Алексеевич, прости, – поговорил Матвеев. – Ночь сегодня нервная. Распсиховался из-за этого оболтуса. Я за ценой не постою, ты же знаешь.

– Цена будет значительная, но пока я не могу назвать сумму. Слишком многим придется дать. Возникает резонный вопрос: кто будет виновным?

– Случайных свидетелей не было? Таких, которые видели, кто находится за рулем?

– Похоже, бог миловал. Сотрудники ППС успели затолкать всю подвыпившую компанию в патрульную машину. Теперь насчет виновного. Сами понимаете, дело серьезное. ДТП со смертельным исходом в наше время на особом счету, без приговора не обойтись. Сделать крайним постороннего

затруднительно. Невинный человек, имеющий алиби, легко докажет, что находился в другом месте.

– Может, из дружков кого? – Матвеев наморщил лоб. – Там целая кодла была. Три парня, две девки. Пусть кто-то из этих мальчиков сядет за руль. Почему нет? Отпечатки пальцев на баранке – это ведь... понятие переменчивое, верно? Остальных заставим подтвердить, что за рулем был он. Парню пригрозим самыми суровыми мерами, если откажется.

– Нет, Эдуард Геннадьевич, – отверг заманчивое предложение Головки. – Не пойдет. Это прежде всего ваша безопасность. Публика ненадежная, сегодня одно, завтра другое. Передал руль пьяному товарищу – тоже правонарушение. Пусть административное, но оно вам надо? Нужен человек, осознанно идущий в зону. Многие видели, как «Лексус» отъезжал от «Тануки», кто садился за руль и в каком состоянии они были. Можно сказать, что они проехали квартал, остановились и отошли от машины. Всем приспичило по малой нужде. В этот момент тачку и угнали. Чем не версия, Эдуард Геннадьевич?

– Сами думайте, – заявил Матвеев. – Я вам за это деньги плачу. Кстати, есть у меня один человек. Он возьмет вину на себя и пойдет на зону.

– Вы уверены?

– Да, Владимир Алексеевич, считай, что такой человек в кармане. Один из моих, скажем так, должников. Я с ним поговорю, на этот счет не волнуйся. Главное, утряси бумаж-

ные дела, обработай следователя, всех работников, которые в курсе, включая ментов и гаишников. Чтобы не торчали хвосты, все было тип-топ. Надеюсь, ты понимаешь серьезность ситуации? Оставь все дела, занимайся только этим. Завтра ты должен назвать сумму. Но чтобы она была реальная, а то я знаю ваши аппетиты. В обед встречаемся в ресторане моей супруги Маргариты Львовны, там и обговорим.

– Обед – понятие растяжимое, Эдуард Геннадьевич.

– В два часа, – уточнил Матвеев и ядовито осведомился, прежде чем оборвать связь: – Надеюсь, ты выделишь мне минутку в своем плотном графике? – Он бросил телефон на стойку и снова схватился за бутылку.

Спиртное не работало. С каждой выпитой рюмкой мужчина только трезвел, и это бесило его.

«Что, Эдуард Геннадьевич, замыслили стать депутатом Государственной думы? Расширяете бизнес, осваиваете самые неожиданные сферы? – подумал он. – Какой же поганец этот Никита! Все для него. Только делай вид, что учишься в своем техническом университете – диплом нарисуем, не проблема – и веди себя хотя бы относительно прилично. Мать виновата – избаловала ребенка! Ничего не добилась в жизни своим трудом. Ресторан я ей подарил на сорокалетие. А понтов столько, словно весь мир обязан валяться в ее ногах. У лоботряса есть все, включая квартиру в столице. Сам даже палец о палец не ударит, ни один предмет выучить не может! А зачем? Папа все равно все купит и перекупит.

Вот и раздавай им после этого подарки. Оформил на Никиту мебельную фабрику, посадил своего управляющего. Бизнес процветает даже в кризис, деньги капают на счет Никиты. Вот уж хрен тебе! Теперь никаких подачек, пока за ум не возьмешься! Я многое готов стерпеть ради членов своей семьи, но чтобы из-за такого пустяка разрушить все, что выстраивал много лет, оборвать такие связи!...»

На другом конце города в похожем особняке майор Головкин тоже швырнул телефон на тумбочку, лег в кровать и задумался. В спальню проникал с улицы прохладный ветерок, тербил шторы. Майору было сорок два, он сохранил спортивную фигуру, при необходимости мог блеснуть манерами и аттрактивной, как говорят англичане, внешностью. Ответственность на своем посту этот человек нес неподъемную, но и не гнушался пользоваться всеми благами жизни.

Деньги у него имелись, но тратил их Владимир Алексеевич с умом, не зарываясь, можно сказать, элегантно и со вкусом. Хоромы не возводил, на «Майбах» не катался. С людьми без особой надобности старался не конфликтовать и по возможности все же выполнять свои обязанности по искоренению преступности.

Рядом, разметавшись по кровати, посапывала молодая фигуристая жена – недавнее приобретение, которым Владимир Алексеевич очень гордился. Супруга была не тупой, до недавнего времени работала в модельном агентстве. Пупом земли себя не считала, что майору крайне импонировало. С

ней приятно было выйти в свет, позаниматься сексом. Она имела представление о создании семейного уюта и даже не возражала в обозримом будущем кого-нибудь родить обожаемому супругу.

Анжела крепко спала, как и всегда после секса. Но у майора хватило ума не разговаривать в ее присутствии. При первых же звуках голоса Матвеева он выбрался из кровати и спустился в холл. Сейчас вернулся, погладил супругу по шелковистому бедру. Она что-то промурлыкала, глубоко вздохнула.

Женщина засопела, а майор погрузился в раздумья. Последний раз угрызения совести беспокоили его лет десять назад и больше не появлялись. В этом циничном мире иначе не выжить.

Он не жалел, что был разбужен посреди ночи. Появилась реальная возможность срубить бабло. Матвеев испуган, скупиться не будет. Но все проделать нужно тихо и с умом.

С полковником Пустовым проблем не будет, это ясно. У следователя Свиридова тоже весьма гибкие представления о морали. С ним можно договориться. Патрульные, инспектора ДПС – люди свои, беспроблемные. Опера, криминалисты, работавшие на месте аварии, – тоже не преграда. У всех семьи, которые нужно кормить. Зарываться они не будут. Это не Москва, не Питер, а узкий мирок со своими порядками и законами. Здесь никто не станет рыпаться, если не хочет, чтобы его труп нашли в лесополосе в соседнем районе. На-

род в большинстве свой, скованный цепью и связанный целью.

Но всем нужно дать. Начальник криминальной полиции города подполковник Кудрявцев Валерий Борисович имеет свой карманный СОБР, которым командует его заместитель, майор Быстров Игорь Владимирович.

Реальные проблемы могут исходить от начальника районной ГИБДД подполковника Юдина Андрея Сергеевича. Недавний назначенец еще не вник в особенности местного правопорядка и строит из себя правильного мента. Этот тип может доставить неприятности. Но он вроде собирается в отпуск на три недели. Да не куда-нибудь, а в далекую Барселону. Вместо него гаишниками будет рулить майор Скворцов Аркадий Евгеньевич. Человек свой, надежный, проверенный, хотя и с серьезными аппетитами.

Он вторично прокручивал в голове нехитрую комбинацию. Халтурка получалась нормальная. Но надо знать меру, не рубить кормящую лапу. Матвеев испуган, и его можно понять. В Госдуму идет человек, за бизнес тревожится, не говоря уж про сына. Но если поймет, что его нагревают, пользуясь страхом, то последствия могут быть жуткими.

Он снова вылез из кровати, спустился в холл с телефоном в руке.

– Вашу мать, три часа ночи!.. – прохрипел майор Скворцов, который с завтрашнего дня замещал главного районного гаишника.

– Нет еще трех. Головка беспокоит.

– Что случилось, Владимир Алексеевич? – осведомился майор. – Шесть часов до начала рабочего дня. Трудно подождать?

– Не поверишь, Аркадий Евгеньевич, трудно. Первый вопрос. Твой шеф Андрей Сергеевич Юдин не передумал с завтрашнего дня начать отпускную жизнь?

– Странные вопросы задаешь. Нет, не передумал. В семь утра у него рейс в Барселону из Шереметьево. Летит с женой и дочерью. Никаких звонков, что передумал, не поступало.

«Ага! – сообразил Головка. – Значит, информация о ночных геройствах Никиты Матвеева Юдину недоступна. Папаша подсуетился, перерезал все каналы поступления информации. Ничего удивительного, если даже Скворцов об этом не знает. Пусть Юдин и дальше остается в неведении, спокойно отдыхает у синего иностранного моря».

– Рабочий день в вашем ведомстве официально начинается в девять. В восемь тридцать встречаемся в парке у Чехова.

– В каком парке у Чехова? – Майор Скворцов соображал туговато.

– Объясняю для тех, кто внутри бронепоезда. – Головка старался проявлять терпение. – Центральный парк культуры и отдыха напротив вашего славного управления. Там скульптура классика русской литературы Антона Павловича Чехова. Мужик в пиджаке, которого никто не посадит, поскольку он памятник. А нас с тобой, Аркаша, могут. Никогда об этом

не забывай. У памятника лавочка. Не думаю, что рано утром ее займут. Там и встретимся. Все.

Теплое лето еще не пришло. Утром было прохладно, налетал порывистый ветер. Но природа уже цвела и благоухала. В парке было безлюдно, ветер гонял по аллеям пустые пакеты из супермаркетов.

Гений русской словесности в распахнутом пиджаке пребывал в тоскливом одиночестве, грустно смотрел в светлую даль поверх пенсне. Памятник окружали декоративные кусты. Длинная лавочка пустовала.

За пределами сквера зарождался новый рабочий день. По проспекту Энергетиков шныряли и гудели машины. А здесь было тихо, как на заброшенном деревенском кладбище.

К месту встречи мужчины подошли почти одновременно. Первым из-за памятника выбрался невысокий полноватый субъект с прической под бобрик. Он был одет в гражданское, настороженно косил по сторонам. Потом от центральных ворот размашисто прошагал майор Головко, нахмуренный, сосредоточенный, с толстой кожаной папкой в руках.

Мужчины без особых симпатий пожали друг другу руки. Взаимные чувства их нелегкой службе и не требовались.

– Чего косишь как заяц, Аркаша? – с натянутой ухмылкой осведомился Головко. – Записался в клуб анонимных параноиков? Держись увереннее, ты же не шпиц на прогулке, а самый главный гаишник большого города.

– Да пошел ты!.. – проворчал Скворцов, опускаясь на

длинную лавочку. – Говори, что надо, Владимир Алексеевич. Мне работать пора.

– Ты не в курсе? – Головко пристроился рядом, вытряс из пачки французскую народную сигарету «Житан», сунул в рот.

– В курсе чего? – проворчал Скворцов.

– Злоключений местной знати, – проговорил Головко. – Раз спрашиваешь, значит, не в курсе. Тогда слушай и не удивляйся, что тебе не сообщили.

По мере повествования лицо майора Скворцова менялось. Сначала оно было хмурым и постным, а к завершению повествования в его глазах зажегся алчный блеск.

О справедливом наказании преступника речь, понятное дело, не шла.

– Я так понимаю, надо отмазать парня, – проговорил Скворцов и посмотрел по сторонам.

– Ты удивительно прозорлив, Аркадий. – Головко проследил за его взглядом, испытывая досаду.

Вроде солидный мужчина, высокий чин в полиции, а ведет себя как карманный воришка.

– Причем обставить дело чисто, чтобы никто не подкопался.

– Нужен человек, которому мы предъявим обвинения, – резонно заметил Скворцов. – Как ни крути, ДТП со смертельным исходом. Факты должны быть убедительными.

– Матвеев звонил сорок минут назад, – сообщил Головко

и криво усмехнулся. – Бессонная выдалась ночь у Эдуарда Геннадьевича. Но ничего, в следующий раз будет следить за своим обалдуюем. У него есть человек, готовый все признать и пойти на зону. Это один из его телохранителей. Некто Кулик Георгий Федорович. Полгода назад он возил супругу Матвеева Маргариту Львовну. По неосмотрительности стал виновником ДТП на улице Лазаревской. Дамочка отделалась испугом, сам тоже не пострадал, но хорошая машина всмятку. Ты должен помнить этот случай. Дело замяли. Кулик валялся в ногах у Матвеева. Маргарита Львовна вступилась за него. Дескать, это она виновата, отвлекла разговором. В общем, Матвеев пощадил работника, компенсировал ущерб пострадавшим в ДТП. Но Кулика уволил. Тот уже полгода мается, не может никуда устроиться. Грузчиком подрабатывал, железный лом сдавал, пить начал. Короче, Эдуард Геннадьевич нанес ему ночной визит, прижал к стенке, выкатил три миллиона за разбитую машину. Это был вполне приличный «Додж». Возможно, он пообещал круглую сумму, хорошего адвоката, терпимый срок. Кулик согласен пойти на зону. Этого типа доставят вам на блюдечке с голубой каемочкой в любое время. А дальше сам крути подходящую версию. Вариант напрашивается. Где-то по пути из ресторана мальчишки и девочки покинули машину. Пьяный Кулик проходил мимо, узрел знакомую тачку, решил отомстить, угнал. Протокол с места происшествия придется переписать. Отпечатки на руле, показания очевидцев, все такое.

– Ладно, не учи людей работать, – заявил Скворцов. – Посмотрим, что можно сделать.

– Ты не посмотри, Аркаша, а реши проблему. Иначе нам всем мало не покажется. Матвеев выкрутится, в крайнем случае не пойдет на выборы, но бизнес сохранит. А нам с тобой на орехи достанется. Давай по деньгам. В два часа я должен сообщить Матвееву сумму.

– Триста. – Скворцов пошевелил губами, подумал и решительно кивнул. – Да, триста. Тысяч. Евро.

– Ого! А не подавитесь вы у себя в ГАИ?

– А ты головой подумай, – огрызнулся Скворцов. – Сам сказал, все должно быть чисто, чтобы не подкопались. Следователю, инспекторам надо дать. Эти парни могли проговориться знакомым и родственникам. Чтобы слухи не пошли – дать, дать. Повсюду толстые морды, волосатые лапы. – Скворцов состроил такое лицо, словно вокруг него бродили одни мздоимцы, а он стал невинной жертвой обстоятельств. – Заинтересуется прокуратура – тоже дать. Нужна финансовая подушка безопасности, понимаешь?

– Ты забыл себя упомянуть. Не останешься же без средств к существованию.

– Да мне там капнет сущая мелочь, – заявил Скворцов, который давно научился не краснеть в подобных ситуациях. – Ты тоже про себя не забудешь, верно? Не из своих же платишь, Владимир Алексеевич?

– Ладно, разговорились мы что-то, – сказал Головкин и под-

нялся с лавки. – В общем, ты уяснил задачу, Аркаша. Бросай остальные дела, занимайся нашей проблемой, не затягивай процесс. Будь на связи. Все, удачи. – Он вновь украдкой посмотрел по сторонам и зашагал к выходу из парка.

На девять утра намечалось рабочее совещание с руководителями служб и подразделений. Нужно успеть побриться – ночью было не до этого – вырядиться в полицейский мундир.

К двум часам дня он на личном «Субару» спокойной серой расцветки подъехал к ресторану «Танука» на Первой Московской улице. От управления здесь было два квартала, но майор не любил ходить пешком. Машин у заведения было немного. Видное место занимал красавец «Ровер», у которого переминался мускулистый водитель.

Господин Матвеев был на месте. Он сидел в закрытом кабинете, отгороженном от внешнего мира, и злобно расправлялся с рыбным стейком. Большой босс пренебрежительно зыркнул на майора и дернул подбородком. Мол, присаживайся.

Головко опустил на стул, скорчил тактичную мину.

– Приятного аппетита, Эдуард Геннадьевич.

Матвеев отодвинул тарелку, допил остатки вина из фужера, впился угрюмым взором в собеседника и сказал:

– Знаешь, Головко, последние двенадцать часов меня бесит абсолютно все. Ты это учти и обойдись без лишних слов. – Он помолчал пару минут, поскрипел зубами. – Ладно, все в порядке, майор. Как служба-то?

– Нормально, Эдуард Геннадьевич.

– Вы не служите, а послуживаете, – не удержался от подначки олигарх районного масштаба. – Проблема решается?

– Мы сделаем все возможное.

– Сколько?

– Миллион евро.

– Охренели? – Матвеев вспыхнул. – Вы за кого меня принимаете? За миллиардера?

– Необходимо соблюдать строжайшую секретность, – заявил Головко.

Ему непросто давался спокойный тон. Страх перед сильными мира сего сидел в подкорке. Борьба между страхом и любовью к деньгам проходила с переменным успехом.

– Это требует серьезных финансовых вливаний. Поверьте, Эдуард Геннадьевич, в создавшихся условиях миллион – не самая большая сумма. А риск достаточно велик. Мы все люди подневольные, находимся на государственной службе и рискуем больше вашего.

– Ладно, не будем углубляться в бессмысленную дискуссию. – Матвеев не выглядел сильно взбешенным.

Потеря миллиона была не самым радостным событием дня, но он мог себе это позволить.

– Деньги вы должны отработать безупречно, чтобы в дальнейшем не вылезли хвосты. Не понравится – спрошу. Скинешь реквизиты своего счета. Я переведу. А в следующий раз соразмеряй свои хотелки с моими возможностями. На-

деюсь, у тебя не хватит наглости требовать сразу всю сумму?

– Половину сразу, остальное – после суда над подставным обвиняемым. Вся первая часть уйдет в ГАИ, – соврал Головки не моргнув глазом. – Они уже сегодня приступают к работе. Проследите, чтобы Кулик находился дома. Устроим показательную акцию по его задержанию. Есть большая просьба, Эдуард Геннадьевич. – Головки помялся. – Вы, конечно, отец, сами знаете, как лучше, но все же постарайтесь на ближайшее время изолировать Никиту от внешнего мира. Отберите телефон, вырубите Интернет. С друзьями из той компании мы сами поработаем. Дальше них информация не уйдет.

Глава 4

В десять утра вертолет со спецназовцами поднялся с базы во Фрязино и взял курс на Волоколамск в облет Москвы. Бойцы группы Ильи Мороза клевали носами. Ночка выдалась беспокойной.

Дремал и сам Илья. Злость по поводу безуспешной погоны за Муслимовым притупилась. Осталось щемящее беспокойство. Он списывал его на необходимость отчитываться за неудачу перед руководством управления.

Орден ему точно не дадут. Но из спецназа вряд ли погонят. С кем тогда работать будут? Он убеждал себя в том, что все нормально, не может каждая операция завершаться триумфом. Объявят выговор – нормально. Лишат премиальных – тоже не трагедия, учитывая их мизерный размер.

Илья засыпал, приходил в себя, когда машину начинало трясти. Он смотрел на Москву с высоты птичьего полета, снова отключался. Капитан все никак не мог досмотреть один и тот же сон, где его с головой засасывало в болото. Неподалеку стояли люди, общались и смеялись. Лица их были затушеваны, но голоса он слышал прекрасно – гортанные, резкие, характерного тембра.

Отряд дислоцировался в Волоколамске. Там же, на окраине, недалеко от автостанции, он снимал квартиру на первом этаже пятиэтажки. Пять минут ходьбы через ухоженные

дворы, опрятный сквер. Несколько часов личного времени. Какая щедрость, товарищ полковник!

На базе остались амуниция, оружие. Там же он скинул надоевший комбинезон, облачился в партикулярное платье, хранящееся в железном шкафу. Капитан шел домой, наслаждаясь теплой погодой, забрел в продуктовый магазин, купил каких-то вкусностей.

Пацаны возле дома гоняли мяч. Старушки на лавочке обсуждали девушек, проходящих мимо. Пинчер из первого подъезда обнюхивал спаниеля из второго. Они еще не решили, драться им или подружиться. Мирная жизнь любого российского города. Именно то, что должен сохранять спецназ.

В парковочном кармане напротив окон стоял его «Фиат» серо-стального цвета, хорошая лошадка для перемещения на не очень длинные расстояния. Два месяца назад он ездил к родным в Новославский район. Неприхотливая машинка просила только бензин.

Капитан обошел вокруг «Фиата». Все в порядке, пусть дальше стоит.

В квартире было пусто, но чисто. От родителей, всю жизнь проживших в деревне, Илья унаследовал нелюбовь к грязи и маниакальное стремление раскладывать все вещи по своим местам. Но только не сегодня.

Он затолкал продукты в холодильник и рухнул в ботинках на кровать. Илья включил телевизор, не особенно вслушиваясь в его бурчание, подтащил к себе пепельницу, закурил.

Сон навалился на него, как бородатый боевик из засады. Он загасил окурок, не хотел сгореть вместе с квартирой из-за неосторожного обращения с огнем.

Капитан успел подумать, что время терпит. В управлении его ждут к восемнадцати часам. Пробок в город сегодня не будет. Они образуются в обратную сторону. Все же всенародный праздник – пятница. Люди миллионами повалят из столицы.

Он уснул без задних ног, снова начал погружаться в болотное царство. Подоспели те двое с гортанным говором.

Потом объявилась женщина. В ней было нечто призрачное, эфемерное, она не поддавалась идентификации. Лицо, похожее на маску, колыхалось перед глазами. Он не мог избавиться от чувства, что знает ее, они близки, но амур со своими стрелами тут не замешан. Его одолевало беспокойное чувство, что эта женщина не живая, она астральная оболочка.

Отец Ильи Виктор Александрович, проживающий в далекой Быстровке, позвонил в третьем часу дня, когда сын как раз смотрел свои сны. Он схватил телефон, голова трещала, слова, произносимые отцом, плохо доходили до него.

– Илюша, здравствуй. – Голос отца дрожал, ломался, был какой-то неживой, едва знакомый. – Илюша, родной, наша Настя погибла. Нет ее больше.

– Подожди, отец. – Илья усиленно растирал висок. – Я сейчас соображу. Ты о ком говоришь? Про какую Настю? – В

голове у него взрывались мины, осколки с болью вгрызались в стенки черепа.

– Илюша, твоя сестра погибла... – Голос отца надломился.

– Это ошибка! – взорвался капитан. – Я вчера вечером с ней общался. Около полуночи она спешила на последнюю электричку.

– Она не добежала до вокзала, Илюша. Ее сбила машина на проспекте Энтузиастов в Новославле.

– Подожди, отец, давай успокоимся. – Илья вскочил с дивана, стал ходить кругами по маленькой комнате. – Сбила машина – это не значит погибла. Она могла выжить, нужно проверять информацию.

– Илюша, она погибла, мы с матерью только что вышли из морга. Мы сейчас в Новославле, нас привезли соседи. Матери плохо, говорить не может, но держится. Настя торопилась на электричку, перебежала проспект, не заметила машину. Водитель был пьян. За несколько минут до наезда он угнал машину на улице Свердлова, сбил Настю, врезался в торговый павильон и сбежал. Всю ночь и утро его искала полиция, сейчас он взят под стражу, во всем признался. Но это не вернет нашу девочку.

Илья непростительно тупил. Мозг понимал, что произошло страшное, но душа отказывалась признавать такое.

– Когда вам сообщили об этом?

– Сегодня утром, часов в одиннадцать. Предложили подъехать в морг, опознать тело. Матери еще тогда стало плохо.

Ей всю ночь тяжело было. Она чувствовала, что происходит что-то ужасное. Мы ждали Настю со смены до часа ночи. Потом стали звонить, но абонент был недоступен. Мы с матерью пошли навстречу, через поле, до остановочной платформы, но ее там не было, последняя электричка из Новославля давно прошла. Мы подумали, что разминулись, побежали обратно в деревню, но Насти дома нет. Звонили Сергею. Это ее хороший знакомый. Тот тоже испугался, сказал, что не видел Настю два дня, а сам сейчас в Ярославле, в командировке. Мы всю ночь не смыкали глаз, бегали к участковому. Тот смеялся, мол, наша Настя загуляла, дело молодое. Звонили в больницу, где работает Настя. Там сказали, что она ушла с работы примерно в половине двенадцатого, спешила на электричку. В городской полиции ответили, что женщина с фамилией Мороз в сводках не значится. Решили подождать до утра, забылись на несколько часов. Потом нам позвонил следователь... то ли Сидоров, то ли Свиридов, сказал, что ему очень жаль, но произошло несчастье. Если нас это немного утешит, то виновный уже сидит за решеткой. Сергей знает, обещал приехать, но он далеко. Илюша, мы ждем тебя. Когда ты сможешь быть? Похороны послезавтра, в воскресенье, на нашем кладбище. Нам сказали, что Настя будет находиться в морге. Мол, еще не все экспертизы проведены. Мы не понимаем, какие и зачем. Хотя уже все равно.

Это было продолжение дурного сна. Он горстями пил анальгетики, сварил убийственно крепкий кофе. Состояние

хуже, чем с похмелья. Илья волком метался по квартире, потом сел, тупо уставился в стену.

Жизнерадостное личико Насти стояло перед глазами. Разве может так глупо оборваться молодая жизнь? Он должен ехать в Быстровку немедленно!

Илья вскочил, но опомнился. Нельзя, служба! Что бы ни случилось, он солдат. В шесть часов вечера должен быть в столице, на разборе полетов. А там посмотрим, вроде обещали отпуск.

Он плохо помнил, как покидал квартиру, заводил «Фиат», стоявший во дворе. Соседи посматривали на него с опаской. Не принял ли пареньь чего?

Илья не осознавал, как ехал по Волоколамке, вырулил на Ленинградский проспект, к центру. Гудели грузовики и троллейбусы. Пару раз из попутных легковушек в его адрес летели непечатные эпитеты, видимо, вполне заслуженные. С правилами дорожного движения в эту пятницу у него были проблемы.

В кабинете на третьем этаже капитана уже ждали. Полковник Козырев оторвался от окна, внимательно глянул в его глаза, нахмурился. За просчеты и ошибки куратор спрашивал строго, но солдафоном не был, чувствовал состояние своих подчиненных.

– Ты не в порядке, капитан?

Илья сглотнул и сообщил о случившемся рублеными фразами. Полковник выдохнул, покачал головой и подтолкнул

Илью к стулу.

– Сочувствую, капитан, разделяю твою горе. Это тяжелая утрата. – У куратора, похоже, пропало желание устраивать разнос.

Всему управлению было известно, что полгода назад в схожей ситуации полковник Козырев лишился сына. Тот учился в МГУ, был вполне нормальный парень. На Кутузовском проспекте у грузовой «Газели» отказали тормоза. Она на полном ходу сбила парня с девушкой, переходящих дорогу.

Девушка выжила. Парень в последний момент прикрыл ее собой, смягчил удар, а сам скончался от разрывов внутренних органов.

– Я все понимаю, Илья, – сказал полковник, выдержав мучительную паузу. – Ты получишь десятидневный отпуск. Он у тебя и так был запланирован. Извини, но это будет твой очередной. Другого дать не можем. Обстановка сложная, много работы, а людей не хватает.

– Я понимаю, товарищ полковник.

– Вот и отлично, что понимаешь. Когда, говоришь, похороны – в воскресенье? Завтра суббота, с утра и поедешь. Бумаги на отпуск оформим задним числом, в понедельник. Сегодня, извини, совещание у генерала Кашарина. – Полковник мельком глянул на часы. – Через пятьдесят четыре минуты. Ты обязан присутствовать, нравится тебе это или нет. Представишь отчет о своих ночных похождениях. Всех ин-

тересует фигура Ибрагима Муслимова. Этот тип чрезвычайно опасен. Как ты догадываешься, он пропал и за прошедшие часы нигде не объявлялся. Я объясню Кашарину твою ситуацию. Не волнуйся, особого разноса не будет. Все понимают, что сбои возможны. А у тебя, помимо прочего, немалые заслуги. Вместо себя оставишь старшего лейтенанта Терехова. Парень толковый. Ты голодный? Пойдем в буфет, есть еще немного времени.

– Не пойду. Кусок в горло не полезет. На улице подожду.

Служба есть служба. Существуют незаменимые люди! Он не смог в субботу вырваться в Быстровку.

Пятничное совещание затянулось, Кашарин распекал подчиненных. Имелась информация, что в столичный регион проникла группа боевиков ИГИЛ для организации и проведения терактов. Их никак не могли выследить и ликвидировать. Спецслужбы научились работать, но в них по-прежнему состояли живые люди, не застрахованные от ошибок.

А угроза становилась критической. Радикалы нагтели с каждым месяцем, тянули щупальца, проникали во все щели. Мир стоял у критической черты, за которой мог начаться хаос.

Специальные структуры работали без выходных. Проверялась вся информация, поступали доклады агентов.

Только к ночи капитан выехал в Волоколамск. Он мечтал уронить трещащую голову на любую поверхность и отключиться. Илья вошел в квартиру и даже не разделся, просто

рухнул.

Через три часа ожил телефон, и старший лейтенант Терехов мрачно пошутил:

– Уважаемые знатоки, за одну минуту вы должны определить, что тикает в черном ящике. Тревога, общий сбор, к черту отпуска! Имеется информация о базе террористов в Зубцовском районе Тверской области. Там что-то замышляется, надо срочно выдвигаться.

Начались еще одни бессонные сутки. Илья не всегда улавливал суть происходящего.

Окраина небольшого городка, сомнительные автомастерские и СТО, в которых наблюдалась нездоровая активность, особенно по ночам. В этих заведениях трудились выходцы из Средней Азии. Там же они и ночевали. Сюда свозили оружие, взрывчатку. В подвале имелся цех, в котором специально обученные люди собирали пояса шахидов.

Остаток ночи спецназ подбирался к объекту, занимал позиции. А утром в округе словно все вымерло. Изредка в мастерских что-то лязгало, работали двигатели.

Прибыли несколько легковушек, которым требовался небольшой ремонт. Их проверили на выезде, за пригорком. Обычные небогатые автолюбители. Кто-то масло менял, кому-то надо было подтянуть сайлент-блоки.

Об СТО эти люди ничего дурного сказать не могли. Трудятся приезжие, открылись недавно, работают без лицензии и рекламы, поэтому цены у них щадящие. Все делают в прин-

ципе умело, стараются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.